

Загадочный директор

В 2026 г. Камчатскому краевому объединённому музею исполняется 115 лет. Последние четыре с половиной десятка из них он располагается в историческом здании бывшей губернской канцелярии (современный адрес — улица Ленинская, 20). Здесь же музей и возник в 1911 г. Ныне это здание является одним из немногих, построенных ещё до революции 1917 г. и сохранившихся в Петропавловске, да и во всём нашем огромном крае. Мало, какое учреждение или организация Камчатки может гордиться таким многолетним «производственным стажем», причём не надуманным, а настоящим, «сквозным», правда, справедливости ради, всё-таки с двумя перерывами (в 1913—1917 и 1932—1933 гг.). Более того, нынешнее музейное здание является настоящей «колыбелью» основных направлений современной культуры нашего полуострова — собирательского и театрального дела, литературного и музыкального творчества. 4 декабря 1911 г. недавно созданное по инициативе местной интеллигенции, поддержанной губернатором В. В. Перфильевым, Петропавловское литературно-музыкально-драматическое общество заседало в помещении канцелярии. Здесь было объявлено, что «господином губернатором обществу уступается в пользование помещение всего нижнего этажа здания» [1. С. 472—473]. Только через несколько лет общество получило в своё распоряжение отдельное, специально построенное здание.

За истекшие 115 лет учреждение возглавляли в общей сложности 29 должностных лиц, некоторые весьма короткое время. Одним из руководителей (по нашим подсчётам, четвёртым после А. И. Рублёва, К. И. Навалихина и П. Т. Новограбленова) в течение очень тяжёлых для камчатского музейного дела 1933—1935 гг. был П. И. Смирнов, сначала как заведующий, а затем как первый официальный директор. За время руководства музеем он показал себя весьма неравнодушным и эмоциональным человеком, горячо переживавшим за порученное ему дело. Это следует из дошедших до нас, к сожалению, лишь отдельных газетных и документальных материалов. К несчастью, не сохранилось такого важного источника сведений, как его личного дела, равно партийного или персонального, хотя, похоже, что членом единственной в СССР Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), или ВКП(б), он не был. Вот об этом человеке, чьё более-менее подробное жизнеописание ввиду

изложенных обстоятельств составить нам, несмотря на предпринятые усилия, так и не удалось, и пойдёт речь ниже.

Впервые некто Смирнов (без инициалов, тогда это было обычным делом) в подходящем нам ключе упоминается в главной газете полуострова «Камчатской правде» за 9 января 1933 г. Его и актив литературной группы — Пчелинского, Позигуна, Ольхова, Поспелова, Иванова, Скрипко, Сотникова и Коптелова — редакция газеты приглашала на занятие вечером следующего дня [2. № 4].

12 марта 1933 г. (по другим данным 5 марта) заведующего Камчатским музеем Прокопия Трифоновича Новограбленова взяли под стражу в третий и последний раз как «врага народа». Но теперь он был объявлен не антисоветчиком-одиночкой, как ранее, а руководителем целой «повстанческой организации». Его приговорили к высшей мере наказания и 4 января 1934 г. расстреляли в Хабаровске [3. С. 413; 4. С. 71].

Вскоре музей, во многом уже детище П. Т. Новограбленова, из-за отсутствия руководителя был обращён в жалкое состояние. Его «выселили» с места, где он пребывал последние годы. Об этом свидетельствует, например, сообщение делегата открывшегося 8 апреля 1933 г. 1-го Камчатского областного съезда Советов Н. А. Садового, заведующего областным отделом народного образования (облОНО): «Научные и политико-просветительные учреждения также зачастую находятся в забросе. Взять хотя бы музей, некоторые экспонаты и коллекции которого имеют мировое значение. Сейчас половина этих экспонатов расхищена, другая валяется, как попало, причём даже виновников этого разрушения не найти... Этот участок работы требует привлечения к себе самого пристального внимания всей общественности» [2. № 50].

«По проискам “злого рока” Петропавловский музей из учреждения превращён в кучу сваленных экспонатов в хаотическом состоянии в одной из комнат помещения обкома ВКП(б), ценные экспонаты которого превращены в игрушки совпартшкольцев (слушателей советской партийной школы. — С. Г.), на которых они раскатываются верхом по коридору обкома. Оправдывает ли те задачи, которые ставим мы перед нашими музеями, наш Петропавловский музей, находясь в таком состоянии? Нет, не оправдывает. Необходимо предоставить помещение под музей и принять меры к сохранению от дальнейшей порчи имущества. Без этого музей погибнет безвозвратно» [2. № 52]. А это — мнение нового, только что назначенного заведующего, П. И. Смирнова, сообщённое тогда же.

18 апреля 1933 г. «Камчатская правда» опубликовала его статью «Дать музею помещение». Собственные соображения автор подкрепил ещё одним, и весьма авторитетным, самого наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова: «Музей должен быть одним из инструментов культурной революции».

Это сказано в приветствии 1-му музейному съезду, состоявшемуся в конце 1930 г. Вот таким и должен быть музей в Петропавловске, по мнению его заведующего. «Являясь научно-исследовательским учреждением, он в то же время является учреждением и показательным, в стенах которого перед трудящимися массами путём накопленных и научно-обработанных в нём вещей (экспонатов) методом Маркса — Энгельса демонстрируются и выявляются диалектическое движение материи, производительные силы и производственные отношения человеческого общества, происхождение и развитие социальных форм, история классовой борьбы и революционного движения. Музей в наших условиях не только должен являться книгой вещей, показывающей и выявляющей диалектическое развитие их, но он должен быть и учреждением, основной задачей которого является мобилизация внимания трудящихся на хозяйственно-политических вопросах социалистического строительства» [2. № 52].

Заявленное выше вроде бы было услышано: 16 апреля 1933 г. Камчатский облисполком (КОИК) постановил отвести музею отдельное здание — бывший Петропавловский собор. Но, как свидетельствует П. И. Смирнов, «не прошло и пяти — десяти дней, как оно снова было у него отобрано и передано под общежитие учащихся педтехникума» [5. Л. 14, 49].

В первых числах июня 1933 г. музей, точнее, его остатки, всё-таки перебрался в здание бывшего собора [2. № 74]. Новый завмузеем писал об этом времени, что «экспозиционную работу он не развернул ввиду непригодности и загаженности здания. Встал вопрос о приспособлении здания под экспозицию через проведение соответствующего ремонта» [5. Л. 49].

Тогда был составлен «План развёртывания Камчатского областного музея (теперь он назывался именно так. — С. Г.) на 1934 г.». «Целевой установкой» плана указано «возможно полное отображение прошлого и настоящего Камчатки, её экономики, естественных ресурсов, природы, быта населения, состояния культурно-общественной жизни и историко-революционного движения». Для осуществления этого нужно создать отделы: культурно-исторический, общественно-экономический и естественноисторический.

Среди пунктов плана [5. Л. 53]:

- приведение в порядок экспонатов, коллекций и документов;
- создание актива для научно-исследовательской работы, для этого нужно собрать постоянно действующее методическое совещание;
- чтение лекций с широким привлечением в это научного актива;
- связь с экспедициями, посещающими полуостров, для получения от них дубликатов фотоснимков, коллекций, научных материалов;
- организация выставки краеведения ко 2-му областному съезду Советов (открылся 20 ноября 1934 г.).

10 июня 1933 г. президиум КОИК рассмотрел вопрос о создании комиссии по определению историко-художественной ценности предметов религиозного культа и церковной утвари, изъятых из городского собора и других камчатских церквей. Всё это находилось в распоряжении сектора доходов облфинотдела и частично хранилось в архиве облОНО. Решено образовать комиссию под руководством председателя КОИК К. Ф. Ткачука. В неё от облОНО вошли Зайцева и заведующий музеем Смирнов, от облфинотдела — Львов [6. Л. 77—78].

12 июня 1933 г. музей сообщил о желании приобрести «образцы искусства», утварь, одежду и орудия производства народов Севера, старинные монеты, картины, книги, предметы, обнаруженные на местах старых юртов, поселений, острогов, а также орудия каменного века. Помимо этого предлагалось обменять пишущую машинку с английским шрифтом на таковую же с русским. Желаящим предлагалось обращаться к «в музей к т. Смирнову».

В этот же день оргбюро Камчатского краеведческого общества объявило о проведении с 25 июня по 1 июля во всей области пятидневки. Её цель — популяризация краеведения, оживление его работы, устройство ряда экскурсий. Музей намеревался устроить в это время выставку «Экономика области» и просил предоставить ему дополнительные экспонаты [2. № 77].

11 августа 1933 г. П. И. Смирнов публично воззвал к организациям, имевшим стройматериалы, с просьбой помочь в срочном ремонте здания музея. Тот, после бездействия, названного заведующим «консервацией», наконец-то получил возможность «развернуться» в бывшем соборе. Но за время «консервации» погибло много ценностей. Так, из 586 зарегистрированных археологических экспонатов осталось не более сотни, а из 417 предметов

культуры и быта народов Севера — около трети. Уничтожены все экспонаты пернатого и животного мира. «Если говорить о материальной ценности, погибшей от невнимательного отношения со стороны наших организаций и учреждений, сосредоточенной в музее, то её можно грубо определить в десятки тысяч рублей золотом. Собранные с большим трудом в течение десятка лет ценнейшие экспонаты по археологии Камчатки и Чукотки для науки погибли безвозвратно» [2. № 110].

К этому времени облОНО отпустил на ремонт 2 500 руб. Этого было явно недостаточно: «Но что можно было сделать на эти тысячи рублей, когда тысяча штук кирпича на Камчатке расценивается и продаётся без зазрения совести по 1 200 руб. без доставки к месту производства работ?» Для получения дотации «началась обычная или необычная свистопляска», потребовалась смета. На её подготовку ушло несколько месяцев. «Наконец смета была составлена, кредиты отпущены после долгих трений между облОНО и облфинотделом». Теперь дело упёрлось в отсутствие стройматериалов. «Кое-как удалось достать несчастных две тысячи штук обломков битого кирпича за 900 руб. и 600 штук кирпича целого по 1 200 руб. за тысячу, несколько ящиков гвоздей, 40 кг олифы и три ящика битого стекла». Для отопления здания решили хозспособом (то есть своими силами) сложить несколько печей. Только договорились с печниками, явился председатель горсовета, а за ним и председатель КОИК, «и предложили заведующему музеем дать им помещение на двадцать дней под общежитие рабочих Горстроя, что они по освобождении помещения отремонтируют его». Пришлось соглашаться... [5. Л. 50—51].

20 октября 1933 г. Горстрой обещал освободить помещение музея, но этого не случилось. Теперь «сложенным экспонатам в отгороженной комнате грозила гибель от сырости, благодаря конденсации водяных паров на потолках и стенах, холода... С большим трудом удалось добиться и заставить Горстрой поставить печь в помещении, где лежали экспонаты». Только с вмешательства вначале облпрокурора, а затем высшего должностного лица — секретаря КОК ВКП(б) здание было освобождено. Но случилось это лишь в феврале 1934 г. [5. Л. 50—51].

29 ноября 1933 г. П. И. Смирнов снова забил тревогу: до него дошли известия, что весной 1934 г. здание, отведённое музею, будет снесено, а на его месте построят первый городской кинотеатр. (На деле он, названный «Полярной звездой», не строился заново, а как раз и расположился в бывшем соборе вместо музея, открылся

11 апреля 1935 г.) На его вопрос, где же разместят музей? — получен ответ заведующего Облкоммунхозом, что это ещё неизвестно. После этого заведующий попросил Смирнова дать свои соображения, в первую очередь, какой для этого потребен общий объём помещений.

В ответ тот заявил, что «я, как заведующий Камчатским музеем, должен буду протестовать против его (кинотеатра. — С. Г.) постройки на месте музея». Высказал свои соображения. Во-первых, очень сложная обстановка в городе с жильём, вернее, с его отсутствием, не позволит возвести новое здание для музея объёмом 720–750 «кубов». Во-вторых, имеющееся помещение вполне удовлетворяет потребность сейчас и на три-четыре года вперёд, при условии его наружного и внутреннего переоборудования. И, в-третьих, КОИК отпустил для ремонта музея 16 тыс. руб., их часть уже потрачена. «Выражая твёрдую уверенность в том, что президиум КОИК не оставит музей без помещения, прошу президиум подтвердить своё решение от 16/IV-33, закрепив окончательно за музеем отведённое ему здание». В случае же подтверждения президиумом КОИК соображений, высказанных заведующим Облкоммунхозом, завмузеем просил одновременно с решением о сносе озаботиться выделением другого здания указанного объёма, «и это здание предоставить ему теперь же, не дожидаясь весны» [5. Л. 14].

1 января 1934 г. Президиум ВЦИК СССР принял постановление «Об улучшении экспозиции музеев на основе материалистического понимания и удовлетворении политико-просветительных запросов». К этой дате музей всё так же размещался в соборе, но о его нормальной деятельности говорить не приходилось: «хозяином» тут он не был. 28 января 1934 г. состояние учреждения хорошо отразила «Камчатская правда»: «Большая часть рабочих Коммунстроя живёт в помещении бывшей церкви. Музейный инвентарь столкали в угол, устроили двойные нары и поселили туда 68 человек, холостых и семейных вместе» [7. № 23].

2 февраля 1934 г. объявлено о создании в Петропавловске при облОНО лекторско-экскурсионного бюро для обслуживания рабочих коллективов города. Председателем бюро утверждён заведующий отделом Т. М. Дейнеко. В составе лекторов (39 чел.) назван и преподаватель Смирнов (инициалы снова отсутствуют). На следующий день бюро одобрило план работы. Её решено «построить» по 10 разделам, среди коих «естествознание и география» (руководитель Павленко, лекторы Сарыгина и Смирнов). 5 февраля утверждён список тем экскурсий и лекций по разделам. Темы по краеведению,

предложенные Смирновым: «Доисторическая культура населения Камчатки», «Физико-географический очерк Камчатки и её природные ресурсы», «История колонизации на Камчатке», «Гражданская война на Камчатке» [5. Л. 27, 29, 31—32].

В феврале 1934 г. здание собора было освобождено, но его ремонт, несмотря на два заключённых договора, Горстрой начинать не спешил. Снова потребовало вмешательство облпрокурора и обкома ВКП(б). По словам П. И. Смирнова, «только тогда было приступлено к ремонту, и здание ремонтируется. Ожидалось, что работы завершатся в первых числах апреля, а с ними, «хотелось бы, чтобы закончилась и чердачная, полная разрухи и невзгод, история самого отдалённого музея Советского Союза» [5. Л. 51].

5 марта 1934 г. сообщено, что весть о безобразном состоянии исторических памятников Петропавловска дошла до «центра» и музейный отдел Наркомпроса РСФСР запросил горсовет о мерах, принятых к их реставрации. По получении этой телеграммы горсовет издал обязательное постановление и выделил облОНО 5 200 руб. на ремонт ограждений памятников [7. № 53].

23 марта заместитель редактора «Камчатской правды» В. А. Уманский подтвердил, что центральный орган — Главискусство — весьма серьёзно заинтересовался «состоянием памятников истории в Петропавловске», предложив горсовету немедленно реставрировать их и принять меры к охране. «Полнейшее пренебрежение к музею и памятникам — вот линия горсовета и облОНО. Музей продолжает быть в загоне, его экспонаты портятся, ветшают. Дальнейшая индифферентность наших организаций к охране исторических предметов просто преступна. Здесь необходимо серьёзное воздействие прокуратуры» [7. № 68].

5 апреля П. И. Смирнов выслал отделу культурной пропаганды обкома ВКП(б) объёмную докладную записку, включавшую историческую справку о музее, отражавшую описанные выше недавние и текущие музейные дела. К записке приложен «Список особо ценных экспонатов». В их числе: гербарий флоры Камчатки (481 папка); модель парусно-паровой шхуны, вырезанная из моржового клыка и китового уса; шкурки редкой розовой чайки; письменный прибор из моржовой кости; золотой самородок весом более двух золотников (золотник равен 4,266 грамма), найденный на Чукотке; геологические и минералогические коллекции, «насчитывающие тысячи полторы — две экземпляров»; археологические и палеонтологические коллекции в «сотню экземпляров» [5. Л. 47, 51].

А вскоре с заведующим музеем приключилась череда не вполне понятных нам сейчас событий. Так, 20 мая 1934 г. прокурор Петропавловска Фомин, а вместе с ним заведующий городской библиотекой по фамилии Смирнов (и снова без инициалов) предупреждали, что граждане, взявшие книги «давностью больше, чем две недели назад», обязаны вернуть их в трёхдневный срок или выплатить стоимость, если таковые утрачены. Не выполнивших обещали привлечь к уголовной ответственности как расхитителей социалистической собственности [7. № 114].

Вполне возможно, что завмузеем какое-то время одновременно нёс и заботы завбиблиотекой. (Такое вполне могло быть. Известно, что «сменщик» Смирнова в музее — Ф. Л. Слободчиков попутно возглавлял и облархив.) Похоже, что «бурная деятельность» П. И. Смирнова на музейном посту не понравилась кому-то из высоких руководителей. Вот подтверждение этому.

14 июля 1934 г. Смирнов составил пространное и эмоциональное заявление на имя заведующего облОНО: «По имеющимся у меня сведениям, официально переданными заведующей культпропом обкома ВКП(б) т. Шамардиной и т. Слободчиковым Ф. Л., есть решение обкома ВКП(б) о снятии меня с работы в должности заведующего Камчатским музеем и оставлении на работе в нём в качестве научного работника или заместителя вновь назначенного заведующего музеем. Не возражая против решения обкома... если у обкома имеются веские причины к этому, вроде того, что я не обеспечиваю, как заведующий работы музея, а последнего, мне кажется, что нет, довожу до вашего сведения о том, что ни одного дня, даже больше, часа, работать... в качестве научного работника или заместителем заведующего не буду. От работы отказываюсь, ввиду того, что считаю и рассматриваю своё переназначение на низшую должность как недоверие со стороны руководящих учреждений и организаций Камчатской области ко мне и моей работе. Прекрасно зная положение о том, что если работнику не доверяют в том или другом месте, работать там ему нельзя. А потому, не желая разминаться на мелочи, прошу вас подыскать работника на моё место к моменту передачи мною имущества и ценностей музея другому заведующему, так как, повторяю, что работать в качестве научного работника или заместителя заведующего Камчатским музеем не буду, и никакая сила меня не заставит этого сделать».

Позже (похоже, что 19-го числа) дописал: «Находя лишним оспаривать решение обкома ВКП(б) здесь, на Камчатке, и вообще

где бы то ни было, даже считая его неправильным, прошу областной отдел народного образования поторопиться с оформлением моего переназначения и освобождения меня от работы в музее и вообще от работы в органах народного образования на Камчатке, как за библиотекой, так как неопределённость будет только тормозить моей работе и в качестве заведующего музеем. Кроме того, что эта незаслуженная пощёчина — решение обкома — убила во мне уверенность в свои силы и подорвала всякое желание работать на фронте научной работы и культурной революции на Камчатке» [5. Л. 95—96об.].

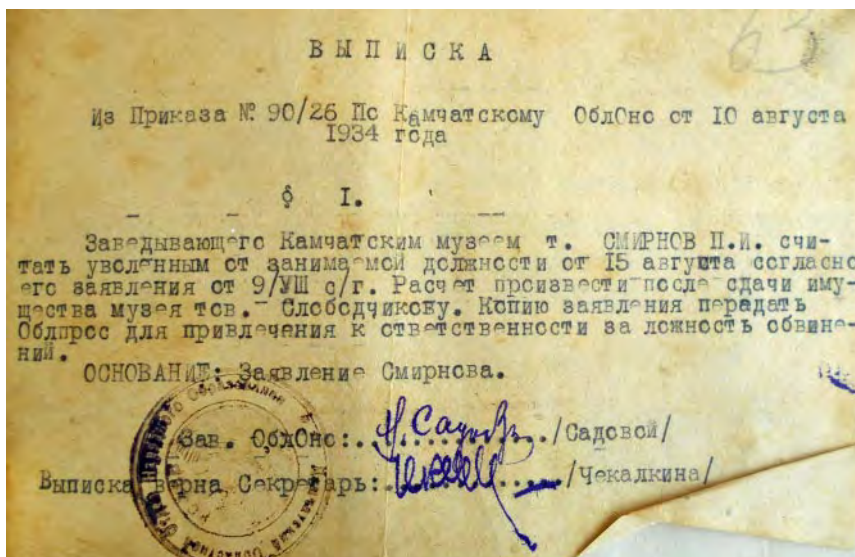
9 августа 1934 г. П. И. Смирнов подал ещё одно заявление, где речь снова шла об увольнении. Его подлинником мы не располагаем, но, судя по всему, этот документ тоже был весьма эмоционален. На следующий день приказом облОНО № 90/26 он считался уволенным с должности с 15-го числа. Расчёт с ним должны были произвести по сдаче имущества новому заведующему музеем Фёдору Лукичу Слободчикову, камчадалу, уроженцу села Коряки, а «копию заявления передать в облпрос для привлечения к ответственности за ложность обвинений» [8. Л. 63].

Казалось бы, что на этом музейная «карьер» П. И. Смирнова и завершилась, равно как, возможно, и его пребывание на полуострове. Но выяснилось, что это не так. Вот тому подтверждение: 2 октября 1934 г. группа ударников-строителей из Петропавловска поднялась на Вилучинский вулкан. После спуска восходители, двигаясь долиной реки Паратунки, посетили одноимённое село, где обнаружили стоянку первобытного человека. 30 октября сообщено: «Выезжавший в Паратунку заведующий областным музеем тов. Смирнов подтвердил открытие. Организуются раскопки» [7. № 235, 251]. Выходит, что руководство Ф. Л. Слободчикова продлилось совсем недолго, а П. И. Смирнов всё-таки остался «на фронте научной работы и культурной революции на Камчатке».

Примерно в это же время произошло и важное событие: многострадальный музей наконец-то перебрался в новое (с точки зрения расположения, а вовсе не сохранности) здание. 17 ноября 1934 г. «Камчатская правда» объявила о предстоящем 19-го числа его открытии. Теперь музей размещался в отдельном одноэтажном небольшом деревянном доме на улице Ленинской, 86. «Приём экскурсий ежедневно по предварительной договоренности с администрацией музея. Для неорганизованного населения музей открыт в вечернее время с шести до восьми часов, кроме выходных» [7. № 263].

Музей	число на	1	1	1
адм. расходов		1	2	2
Средн. годовая ставка	9000	10350	10350	
технические услуги		1	1	1
Среднегодовая ставка	1980	2280	2280	

Из сметы расходов учреждений Петропавловского горрайона на 1934/35 учебный год [ГАКК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 4. Л. 13]

Выписка из приказа облОНО за 10 августа 1934 г.
[ГАКК. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 1. Л. 63]

Камчатский музей открывается с 19 ноября с. г. в здании по Ленинской № 86 Прием экскурсий ежедневно по предварительной договоренности с администрацией музея. Для неорганизованного населения музей открыт в вечернее время с 6 час. до 8 ч., кроме выходных. 2-1	Камчатский музей открыт в здании по Ленинской № 86 Прием экскурсий ежедневно по предварительной договоренности с администрацией музея. Для неорганизованного населения музей открыт в вечернее время с 6 час. до 8 ч., кроме выходных. 2-1
---	--

Объявления в «Камчатской правде» о предстоящем открытии музея (17 ноября, № 263) и о том, что он заработал (23 ноября, № 268), 1934 г.

19 ноября 1934 г. музей заработал. Похоже, что это было специально приурочено к открытию 2-го Камчатского областного съезда Советов, состоявшемуся на следующий день [7. № 266].

Вечером 20 ноября, после первого заседания съезда, его делегатов встречала «Областная выставка краеведения, экономики и культурного строительства Камчатки». Её цель — «представить возможно полную картину современного состояния Камчатской области, результаты достижения в различных отраслях хозяйства, местной промышленности, культурного строительства за период от 1-го областного съезда до настоящего времени, показать естественные богатства области и привлечь внимание и интерес общественности к производительным силам Камчатки».

Выставка имела десять отделов, посвящённых состоянию рыбного, пушного и сельского хозяйств, народного образования и здравоохранения, истории революционного движения и советизации территории области. О быте туземного населения, его искусстве рассказывал этнографический отдел, были представлены лесное хозяйство, горная промышленность и кооперация. Экспонаты представили Акционерное Камчатское общество, Союзпушнина, Камчатское отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства, областное земельное управление, отделы наробраза и здравоохранения, Интегралсоюз (кооперация).

Разделы по историко-революционному движению и советизации, этнографическую экспозицию в сентябре-октябре подготовили музей и организационный отдел КОИК. За них отвечали тогдашний заммузеем Ф. Л. Слободчиков и работник КОИК Мухаметов. После окончания выставки все экспонаты намеревались передать музею, «за исключением тех, относительно которых экспоненты заявят своевременно выставочному комитету о своём нежелании передать» [9. Л. 1, 4—7].

23 ноября 1934 г. из объявления в «Камчатской правде» следовало, что музей действует постоянно: «Открыт в здании по Ленинской, № 86». Далее повторено объявление от 19 ноября: «Приём экскурсий ежедневно по предварительной договорённости с администрацией музея. Для неорганизованного населения музей открыт в вечернее время с шести часов до восьми часов, кроме выходных» [7. № 268].

В апреле 1935 г. в распоряжение обкома ВКП(б) прибыл редкий в то время специалист с высшим образованием — выпускник Ленинградского государственного университета Николай Александрович Цебенко, имевший опыт научной работы (в 1934 г. был

учёным секретарём Дальневосточного филиала Академии наук СССР [10. С. 417—418]. Вначале Цебенко стал инструктором Петропавловского горкома партии, а уже в июне 1935 г. числился временно исполняющим обязанности завмузеем. Похоже, что П. И. Смирнов в это время отсутствовал, возможно, пребывал в отпуске.

4 июля 1935 г. оргбюро Камчатского союза научных работников (СНР) просило коллег, имевших на руках членские билеты союза, зарегистрироваться и получить документы нового образца. Научные работники, жившие в городе, были обязаны явиться к ответственному секретарю СНР Н. А. Цебенко по адресу Ленинская, 86, то есть в музей [11. № 152].

30 июля 1935 г. Н. А. Цебенко (без указания должности) в «Камчатской правде» в очередной раз воспроизвёл уже давно известную картину: «Местные музеи (почему-то во множественном числе. — С. Г.) продолжают оставаться складом скучных и малоинтересных экспонатов. В наши музеи должны прийти краеведы, научные работники, учительство, хозяйственники, партийные и комсомольские работники для того, чтобы сделать музеи центром увлекательной краеведческой работы. Пора, наконец, предоставить музеям условия для нормальной работы. Все камчатские музеи, в том числе и областной, не имеют помещения, пригодного для хорошего показа экспонатов. Следует увеличить и ассигнования на музейную работу в области» [11. № 174].

В августе 1935 г. музею представилась, было, возможность пополнить собрание уникальными экспонатами — пушками пакета бота «Св. Пётр». Начальник 60-го Камчатского погранотряда комбриг А. П. Лев в беседах с населением острова Беринга «приблизительно установил место погребения Беринга и попросил фотокорреспондента Г. З. Санько добраться до этой могилы и заснять это место».

Фотокорреспондент телеграммой сообщила, что ей и спутникам удалось попасть в бухту Командор. Здесь обнаружены 13 пушек, они «спаянные ржавчиной от времени в одно целое». Одну из них хотели доставить в музей, «но отсутствие шлюпки не дало возможности этого сделать» [11. № 200].

16 августа 1935 г. датирована докладная записка о срыве ремонта музейного здания — на это не отпущены средства. Их ожидали взамен затраченных на приведение в порядок здания бывшего собора, сейчас занимаемого «Полярной звездой». Далькинотрест должен был вернуть 13 744 руб. Отсутствовали и стройматериалы, «так как требующееся количество музею никто не отпускает... Неоднократные

наши обращения об отпуске средств в облОНО и облисполком ни к каким результатам не привели. Кормят, извините за резкость, только обещаниями». Пока же завершена штукатурка стен, переложены печи, сооружается пристройка-склад, она позволит расширить экспозиционную площадь. К записке приложен «Список стройматериалов, необходимых музеем на окончание ремонта помещения». Помощи просил *директор* (именно так, не заведующий) Камчатского областного музея П. И. Смирнов [5. Л. 170—171].

Производственный план музея на третий и четвёртый кварталы 1935 г. предусматривал двух исполнителей: Смирнова и Цебенко. По организационно-хозяйственной части им предстояло провести инвентаризацию коллекций, экспонатов и библиотеки; отремонтировать и оборудовать помещение; заготовить дрова, как для музея, так и для сотрудников; развернуть сбор коллекций и экспонатов; укрепить связь с музеями и научными организациями области, края и центра, а также с отдельными учёными Советского Союза.

В части экспозиционной работы предусмотрено составить план экспозиции, по окончании ремонта развернуть её, провести этикетаж и паспортизацию коллекций и экспонатов, не определённые коллекции и экспонаты отправить на определение в Москву и Ленинград. В ходе научно-исследовательских и полевых работ намечались (при наличии средств) поездки в районы области и Кроноцкий заповедник. Там задуманы сбор коллекций, обследование труда и быта населения, изучение истории колонизации в прошлом и «социалистического освоения» в настоящем. Предстояло разрабатывать темы «Неолитическое поселение Камчатской области» (Смирнов) и «Кроноцкий заповедник» (Цебенко).

Раздел плана «Массовая работа с посетителями и корреспондентами музея» сообщает: «Музей по окончании ремонта и оформления экспозиции будет открыт для посещения два раза в шестидневку и для неорганизованного посетителя — в шестой и третий день шестидневки. Для экскурсантов — во все дни работы музея, по предварительной договорённости с администрацией». Здесь же намечено провести четыре лекции на краеведческие темы на стройке № 5 (радиоцентр), в Петропавловском совхозе, погранотряде, порту. Помимо этого, создать «вокруг музея» кружки юннатов из городских школьников и студентов педагогического техникума, а также и учеников из Авачи, Ближнего и Дальнего отделений Петропавловского совхоза, Сероглазки, Тарьи, Елизово, Паратунки и Николаевки. Для краеведов нужно подготовить инструкцию по сбору музейных коллекций и экспонатов [5. Л. 173—173об.].

Здание Камчатского областного музея, 1930-е гг.

В октябре 1935 г. музейщики готовили библиографический перечень, касающийся Камчатки. Материалы для него имелись, сейчас обрабатывались. Эту работу намеревались продолжить и в 1936 г. Уже составлена карта полезных ископаемых области, шли работы над полным каталогом вулканов. Началось изготовление новой карты области «в крупном масштабе, с нанесением на неё последних данных». Кроме того, собраны большие альбомы фотографий Камчатки, Корякского и Чукотского национальных округов (в то время они оба входили в состав Камчатской области). «Среди фотографий много редких и очень интересных снимков, отображающих быт народностей Камчатской области, природу, борьбу за социалистическое освоение полуострова» [11. № 245].

После этого времени упоминаний о П. И. Смирнове ни в печати, ни в документах найти нам не удалось. Нет его и в списках подвергшихся репрессиям, казнённых или осуждённых. Можно предположить, что он в силу каких-то обстоятельств уехал с Камчатки. Казалось бы, что в попытке составить жизнеописание первого директора Камчатского музея можно ставить точку или многоточие...

Но вскоре тема получила развитие. Занимаясь подготовкой книги, посвящённой музейной истории, автор нашёл в Сети ссылку на труды некоего П. И. Смирнова, проводившего археологические раскопки в Корякском национальном округе в 1956 г. Он оказался... директором местного окружного музея.

Вновь обратился к доступным материалам, в том числе к собственными пальцами смакетированному 13-му выпуску «Краеведческих записок» нашего музея, вышедшему в 2011 г. к его 100-летию. Здесь опубликована статья «Корякский окружной краеведческий музей в культурном пространстве Корякского округа» его тогдашнего

директора Т. В. Волковой [12. С. 190—203]. Но в этом интересном материале никаких сведений о работе окружного музея и его руководителях с 1949 по август 1959 г., в том числе и о П. И. Смирнове, к сожалению, нет.

10 июля 2025 г. послал запрос коллегам в Корякию: «В 1933—1934 гг. нашим музеем заведовал бывший учитель естествознания П. И. Смирнов (к сожалению, не знаем, как его зовут, известны только инициалы). Это — одна из самых загадочных фигур в истории музея. Он стал преемником П. Т. Новограбленова после его ареста. В одной из диссертаций по археологии я нашёл упоминание о том, что в 1956 г. директор вашего музея П. И. Смирнов проводил раскопки на территории округа. При этом дана ссылка на работу О. В. Семёнова “О древней культуре Корякского округа” в сборнике “История и культура народов Северо-Востока СССР” (Магадан, 1964). Уж не одно ли это лицо? Прошу дать какие-либо сведения о Смирнове, ибо все наши источники исчерпаны, а ясности нет».

Вскоре Корякский окружной краеведческий музей (директор С. С. Ивтагина) электронным письмом сообщил: «...На данный момент есть следующая информация: “6 апреля 1955 г. директором музея по направлению Камчатского областного управления культуры назначен Смирнов Пётр Иванович. 31 марта 1959 г., в связи с окончанием трудового договора, Смирнова П. И. увольняют с должности директора музея”». И всё. Но так появилась зацепка: бывшее управление культуры КОИК, то есть нынешнее Министерство культуры Камчатского края, помещающееся в «Доме с трактором» на улице Владивостокской.

Теперь решил «прочесать» 540-й фонд Государственного архива Камчатского края (ГАКК) — фонд управления культуры КОИК. Здесь в деле 11, опись 1 «Сеть, списки работников аппарата, отделов и культпросветучреждений, 1955—1956 гг.» обнаружился «Список работников культурно-просветительных учреждений Камчатской области по состоянию на 1 января 1956 г.». Из него удалось заполучить кратенькие дополнительные сведения об искомом персонаже: год рождения 1902-й, образование высшее историческое, беспартийный... Особенно обнадёжил год рождения. Выходит, что в 1933 г. ему шёл 31-й год, он пребывал в самом расцвете сил, перед этим мог окончить университет или пединститут и получить направление на Камчатку. А в 1955 г. ему было 53 года, возраст зрелый, тоже вполне подходящий для плодотворной работы...

23 июля 2025 г. написал в Паланский филиал ГАКК: «...Прошу помощи в розыске сведений о директоре Паланского окружного

музея во второй половине 1950-х гг. Петре Ивановиче Смирнове, 1902 г. р., в Палане жил с 1955 по 1959 г. ...В 1933 г., после ареста и последующей гибели П. Т. Новограбленова, Петропавловский музей принял некто П. И. Смирнов и, по сути, спас его. Никаких сведений за 1930-е гг. об этом человеке найти не удалось, не смог даже расшифровать его инициалы. Но случайно обнаружались сведения о Петре Ивановиче Смирнове, директоре Паланского музея. Что-то подсказывает мне, что он — это то же самое лицо. К сожалению, коллеги из Паланского музея подробностями также не располагают. Поиски в городе, в ГАКК, централизованной бухгалтерии Министерства образования Камчатского края (в 1930-х гг. культура, в том числе областной музей, подчинялась облОНО) ничего не дали, кроме года его рождения, образования (высшее историческое) и рода занятий — директор и археолог... Последняя надежда на вас, уважаемые коллеги! Может быть, вы располагаете какими-либо сведениями об этом человеке, хотя бы в объёме личного листка по учёту кадров?»

20 августа 2025 г. паланские архивисты ответили, что «в просмотренных документах архивных фондов № Р-1 “Исполнительный комитет Корякского окружного Совета народных депутатов” и Р-11 “Отдел культуры исполнительного комитета Корякского окружного Совета народных депутатов” нет сведений о Смирнове Петре Ивановиче — директоре Паланского окружного музея».

Пока разрешался этот вопрос, поработал в архиве Министерства культуры Камчатского края, как раз по соседству с трактором. Здесь вначале испытал настоящую эйфорию: в старом шкафу нашёл толстенную папку с личными делами давно уволенных тружеников культуры. Под её обложкой в написанном подзабытыми чернилами крупным почерком списке увидел долгожданную фамилию с обозначением страниц, ей соответствующих. Но дальше наступило разочарование — как говорится, «на самом интересном месте» — дело оказалось разукомплектованным. Его значительная часть, в том числе и личное дело Петра Ивановича Смирнова была утрачена. Как пояснили сотрудники, это — результат одного из потоков, коему не так уж и давно подверглось министерское расположение... Примечательно, что из множества просмотренных дел неполным оказалось именно это, столь желанное...

Вышеизложенное и позволило составить краткую биографическую справку, включённую в готовящуюся к изданию книгу о музее:

«Смирнов Пётр Иванович (заведующий с начала 1934 г. по 15 августа 1934 г., затем с октября этого же года; директор в 1935—

1936 гг.). Сведений об этом руководителе сохранилось крайне мало. Известно, что он был педагогом-естественником. В 1934 г. — член лекторско-экскурсионного бюро при облОНО, упоминается как заведующий городской библиотекой. В октябре 1934 г. проводил археологические раскопки в селении Тарья. «Список работников культурно-просветительных учреждений Камчатской области по состоянию на 1 января 1956 г.» [ГАКК. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 11. Л. 175] сообщает, что директором Корякского окружного краеведческого музея (Палана) с 1954 г. трудился некто П. И. Смирнов. Он — русский, 1902 г. р., беспартийный, имеет высшее историческое образование. Занимался археологическими раскопками на территории КНО (упоминание об этом имеется в работе О. В. Семёнова «О древней культуре Корякского округа» в сборнике «История и культура народов Северо-Востока СССР», изданном в 1964 г. в Магадане). Уволен 31 марта 1959 г. по окончании трудового договора. В 1955—1957 гг. опубликовал ряд популярных статей в газете «Корякский коммунист». Похоже, что речь идёт об одном и том же лице»...

ОКРУЖНОЙ ДОМ КУЛЬТУРЫ	~~Иванов~~ Иванов	1919	русс.	б/п	среднее	директор	1955 г. с. Палана
	КОСЫГАН Ионий Николаевич	1929	камчал.	б/п	средн. КНО	худрук	1955 г. —
	КОСЫГАН Степана Ильинична	1937	русс.	чл. ВЛКСМ	сред. библи.	массовик	1955 г. —
ОКРУЖНОЙ МУЗЕЙ	СМИРНОВ Петр Иванович	1902	русский	б/п	высш. истор.	директор	1954 г. с. Палана
ТИГИЛЬСКИЙ РАЙОННЫЙ ОТД.	КОСЫГАН Анастолый Иннокентьев	1928	камчал.	чл. КПСС	9 классов	зам. отд.	1953 г. с. Тигиль
	ЛЫТЛОВ Михаил Васильевич	1915	русс.	чл. КПСС	сред. тех.	зам. завед.	1955 г. —
	АБЛОВА Александра Яковлев.	1920	русс.	б/п	среднее	бухгалт.	1953 г. —
РАЙ. ДОМ КУЛЬТ.	АЛТАРНИКОВА Нина Петровна	1914	"	чл. КПСС	н/высшее	директор	1953 г. —
	ЛЫТЛОВ Константин Сергеев.	1936	"	б/п	ср. муз.	худрук	1955 г. —
РАЙОННАЯ БИБЛ.	КОСЫГАН Анастолый Иннокентьев	1928	русс.	чл. ВЛКСМ	высш. библи.	заведущ.	1956 г. с. Тигиль
	ВЛАСОВА Зоя Сергеевна	1917	русс.	б/п	7 классов	библиот.	1954 —
	КОСЫГАН Анастолый Иннокентьев	1928	русс.	чл. КПСС	высш. библи.	зав. дет. отд.	1956 г. —

Список работников культурно-просветительных учреждений Камчатской области по состоянию на 1 января 1956 г.

Колонки: «Наименование учреждений», «Фамилия, имя, отчество», «Год рождения», «Национальность», «Партийность», «Образование», «Занимаемая должность», «С какого времени работает и адрес»
[ГАКК. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 11. Л. 175. Сеть, списки работников аппарата, отделов и культпросветучреждений, 1955—1956 гг.]

И в заключение обратимся к помянутой выше газете «Корякский коммунист», органу Корякского окружного комитета КПСС и окружного Совета депутатов трудящихся. Написанное директором Корякского окружного краеведческого музея П. И. Смирновым укладывается в хронологические рамки: 1 июня 1955 г. (№ 107, статья «Историко-археологические памятники Корякского округа») — 17 февраля 1957 г. (№ 34, статья «Помощь “непокорных”»). Они выходили в рубриках «Из прошлого нашего округа», «Наш календарь», «Записки краеведа». В их числе статьи «Книге “Описание земли Камчатки” — 200 лет»; «Выдающийся русский флотоводец» (к 100-летию гибели адмирала П. С. Нахимова); «Палана» (история селения); «Полярная звезда» (к 100-летию выхода «не связанного николаевской цензурой первого русского вольного журнала»); «Интересный экспонат» (о костяной фигурке человека, найденной в Тигиле); «Оберегать памятники старины» (о важности сохранения историко-археологических объектов); «Фрагменты материальной культуры Напанского острожка».

Из статьи «Оберегать памятники старины» (№ 56, 1956 г.): «Окружной краеведческий музей просит всех граждан округа — рабочих, колхозников, работников культуры, учащихся, а также общественные организации, знающих расположения таких мест, сообщить об этом музею, а все обнаруженные древние вещи передавать в музей. Этим они окажут ему большую помощь в работе. При находке подобных вещей нужно записать место, время и условия, при которых они были найдены, а также подробно указать свою фамилию, имя, отчество и местожительство. Этим самым трудящиеся округа окажут большую помощь, как в пополнении музея экспонатами, отражающими историю корякского, ительменского и других народов Камчатки, их материальную и духовную культуру, так и огромную пользу нашей науке в целом. Работа по выявлению и сохранению археологических памятников, которая будет проделана как трудящимися, так и общественными организациями округа, будет содействовать улучшению работы музея, окажет немалую пользу нашей науке».

Отрывок статьи «Фрагменты материальной культуры Напанского острожка» (№ 214, 1956 г.): «Колхозник артели “Красный партизан” Иван Иванович Бречалов рассказывает, что “давно, очень давно на этом мысу было поселение людей, каких-то дикарей”. Археологическое обследование вершины мыса и слагающих его слоёв земли показало, что здесь когда-то было поселение людей, состоявшее из двух-трёх жилых построек — конусообразных юрт-полуземлянок...»

Историко-археологические памятники Корякского округа

История народов и государств воссоздается историками по письменным источникам, находящимся в архивах, музеях и библиотеках, а также по историко-археологическим памятникам, сохранившимся иногда глубоко в земле и на ее поверхности в виде курганов, селищ—мест поселений людей, городищ, развалин крепостных каменных, глиняных стен и деревянных сооружений.

Из письменных источников, которые сохранились в наших государственных исторических архивах в виде дописок на заках и промышленных людей, известно, что они пришли на Камчатку из Якутска в конце 17-го и в начале 18-го столетия и дали описание жизни и культуры корякского народа тех времен.

Из этих описаний мы знаем, что оседлая часть корякского народа жила отдельными родовыми общинами и строила себе полуземляные, полудеревянные жилища. В целях защиты своих поселков, в связи с частыми междоусобицами войнами родовых общин между собой, а также постоянными войнами с чукчами, юкагирами, ительменами, корякские оседлые родо-

вые общины строили свои жилища на высоких, иногда труднодоступных горах и отдельных утесах. Для большей неприступности подходы к поселениям обносились земляными насыпями и гирями, а также стенами из врытых в землю бревен и ребер кита.

В дальнейшем, когда под влиянием русской культуры как междоусобицы, так и межнациональные войны прекратились (примерно, со второй половины 18-го столетия), оседлые коряки стали строить свои поселения и на открытых местах, на берегах рек и морских заливов, уже не обноси их земляными валами и стенами.

Характерными признаками первого, более древнего типа, оседлых поселений корякского народа, на вершинах гор будут земляные валы и остатки врытых в углубленных в землю ребер кита и бревен. В центре этого вала, а в том случае, когда вал насыпался только с одной, доступной к поселению стороны, то за ним, находится конусообразные насыпи с провалившимися внутрь вершинами—остатками жилищ построй.

Характерным признаком более

позднего поселения на берегах рек или в местах, поблизости от них, будут группы конусообразных невысоких насыпей с провалившимися, а иногда и непровалившимися внутрь вершинами.

Все такие остатки поселений корякского народа имеют большую научно-историческую ценность. Они дают возможность воссоздать историческое прошлое корякского народа и его культуры, которые так мало еще изучены.

Все такие места должны охраняться от разрушений, так как они являются историко-археологическими памятниками корякского народа, являются государственной собственностью, подлежат охране и должны быть взяты на учет сельсоветами и районными отделами культуры, а в целом по округу—Корякским окружным краеведческим музеем.

Лица, знающих о местонахождении таких историко-археологических памятников музеев просит сообщать ему.

П. СМЕРНОВ.
Директор окружного краеведческого музея.

«Корякский коммунист», 1 июня 1955 г., № 107

Из статьи «Помощь “непокорных”» (о голоде, разразившемся на Камчатке во второй половине 1810-х гг.): «...Голод был такой, что дело дошло до людоедства... Поголовная гибель ездовых собак прервала всякую связь между населёнными пунктами. И вот в этот тяжёлый момент для всего населения Охотского побережья на помощь голодающим пришли “непокорные” и “немирные” группы и роды чавчуев. Они пригнали из тундры пять тысяч оленей и передали их голодающему населению безвозмездно».

Источники

1. Дореволюционный Петропавловск (1740—1916) / Серия «Из фондов музея». — Петропавловск-Камчатский, 2020. — 512 с.
2. Камчатская правда. Комплект за 1933 г.
3. Пустовит В. П. Камчатские персоналии (1917—1991) // Вопросы истории Камчатки. Вып. 9. — Петропавловск-Камчатский, 2015.

4. *Пустовит В. П.* Подозрительный учёный // Краеведческие записки. — Вып. 13. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — 240 с.
5. ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 4. Переписка 1932—1935 гг.
6. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4.
7. Камчатская правда. Комплект за 1934 г.
8. ГАКК. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 1.
9. Там же. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 2.
10. *Пустовит В. П.* Камчатские персоналии (1917—1991) // Вопросы истории Камчатки. Вып. 10. — Петропавловск-Камчатский, 2016.
11. Камчатская правда. Комплект за 1935 г.
12. Краеведческие записки. — Вып. 13. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — 240 с.

Приложение

Состояние Камчатского музея по сообщению заведующего П. И. Смирнова, 20 марта 1934 г.

Самый отдалённый от центра Советского Союза музей, находящийся в городе Петропавловске-на-Камчатке, имеет за своими плечами более двадцати лет истории. Истории, беспримерной для развития и жизни учреждений, как дореволюционных, так и наших, советских. Камчатский музей почти всю свою жизнь провёл на чердаках и в заброшенных сараях.

Документальное его зарождение падает хронологически на 1909—1910 гг. (на деле создан в 1911 г. — *С. Г.*). В этих годах по распоряжению в то время губернатора, камчатской канцелярией при его управлении были отпущены деньги в сумме 1 000 руб. на «обзаведение» музея. Из коих только 706 руб. 68 коп. были расходованы на приобретение музейных экспонатов и инвентаря, а остальные, по всей вероятности, были кем-то из чиновников прикарманены.

Указать же инициатора, положившего начало зарождения музея, не представляется возможным, но одно, несомненно, мы можем сказать, что толчком к его развитию послужила подготовка к выставке в Хабаровске по случаю 300-летия Дома Романовых в 1913 г., начавшаяся за много лет до открытия. Так как оставшиеся не доставленными экспонаты на выставку, по документам, дополнили музей.

С 1909—1910 гг. до 1913 г. музей находился на содержании канцелярии губернатора, но, не имея своего помещения, он кочевал из одного в другое, пока не надоел губернатору и его чиновникам. Последний в 1913 г. прекратил отпуск средств на его содержание и дал распоряжение: имеющиеся экспонаты сложить на чердак дома своей канцелярии, где последние находились до осени 1918 г. В 1918 г. по инициативе школьных работников, поднявших вопрос о музее перед властями Камчатской области, последними осенью этого года все экспонаты музея, сложенные на чердаке, были переданы в естественно-исторический кабинет высшего начального училища.

Означенное мероприятие, то есть передача музейных экспонатов естественно-историческому кабинету высшего начального училища, переименованного в дальнейшем в школу 2-й ступени, благоприятно отразилось на организации музея. За время нахождения его в школе музей значительно пополнился экспонатами. По отрывочным имеющимся сведениям, музей в 1924 г. исчислял свои экспонаты сотнями номеров по различным вопросам: истории, этнографии, животного и растительного мира, а также природных богатств Камчатки.

Также большую роль в деле создания музея сыграло и Общество по изучению Камчатки, члены которого пополняли музей собираемыми ими материалами и экспонатами. Эта кропотливая работа привела к тому, что 17/VII-25 г. Камчатский губревком в своём заседании постановил: «Признавая наличие краеведческого музея, крайне необходимо поручить губОНО принять меры к открытию музея с будущего 1925/26 г., разместив его в помещении, ныне занимаемом Губпрофбюро. Содержание лица, ведущего работу в музее, отнести на специальные средства губОНО, а хозяйственные расходы покрыть соответствующими сметными ассигнованиями 1925/26 г.». Это постановление было проведено в жизнь, и музей в 1925/26 г. был выделен из естественно-исторического кабинета школы 2-й ступени и размещён в доме, указанном в постановлении губревкома. (Это не так. Музей переехал из школы в здание окрбюро ВКП(б) только в начале 1929 г. — С. Г.)

С отводом помещения и отпуском средств на содержание обслуживающего персонала музей ещё быстрее стал расти и развиваться. В годы с 1926 г. по начало 1930 г. музей служил центром научно-исследовательской жизни камчатской общественности. В этот период собраны большие коллекции по геологии, растительному покрову, биологии моря, а также и по другим вопросам науки. Если в 1924 г. экспонаты музея исчислялись сотней-другой номеров, то в 1929 г. уже исчислялись тысячами номеров. Но пришёл 1930 г., год, пожалуй, что самый наичернейший из всех годов, пережитых музеем за всё своё существование. На Камчатку прибыло Переселенческое управление АКО, и по чьему-то распоряжению было размещено в помещении музея в отсутствие заведующего. Последний находился в экспедиции по заданию Академии наук. Обращения заведующего с ходатайством об освобождении занятого помещения музея ко всем организациям и учреждениям ни к чему не привели, и музей был свёрнут. В период, начиная с 1930 г., по июнь месяц 1933 г., а также с октября 1933 г. по февраль месяц 1934 г., пережил такие катастрофы, для выражения которых трудно подобрать соответствующие слова. Достаточно указать на такую картину, чтобы судить об этом, как-то, что в 1932 г., да, пожалуй, и в 1933 г., на экспонатах музея — крупных пернатых совпартшкольцы катались по коридору помещения, как на игрушечных лошадках или салазках с гор. Знали об этом все, но мер никаких не принималось.

За это время была растащена мебель, столы, стулья и другое. Погибли все имеющиеся экспонаты представителей царств пернатых и животных.

Погибла масса экспонатов по этнографии Камчатки. Ответить за это никто не ответил. В апреле месяце 1933 г. облисполком своим постановлением перевёл здание бывшего собора, находящееся под клубом Осоавиахима и общежитием для приезжающих, загаженное первыми и последними вкопец, под музей. Но не прошло и пяти — десяти дней, как оно снова было у него отобрано и передано под общежитие учащихся педтехникума.

Последним оно было освобождено только в июне месяце. В первых числах июня музей, по освобождении здания техникумом, перевёз свои экспонаты в освободившееся помещение, но экспозиционную работу не развернул ввиду непригодности и загаженности здания. Встал вопрос о приспособлении здания под экспозицию через проведение соответствующего ремонта. облОНО на ремонт музея отпустило 2 500 руб. Но что можно было сделать на эти тысячи рублей, когда тысяча штук кирпича на Камчатке расценивается и продаётся без зазрения совести по 1 200 руб. без доставки к месту производства работ?

Встал вопрос о дотации на ремонт музея. Началась обычная или необычная свистопляска с утверждением дотации. Для получения дотации необходимо было иметь обоснованную техническую смету. Музей обратился в Горкомхоз. Заведующий Горкомхозом тов. Озерский писал на отношения музея с просьбой дать техника на заключение договора на ремонт музея и составления сметы правой рукой красивые резолюции для исполнения технику. Левой же рукой писал, по выходе от него заведующего музеем, тому же технику распоряжения о неисполнении работ по музею. Такая постановка вопроса тянулась довольно-таки продолжительное время, и смета Горкомхозом так и не была бы составлена, пожалуй, что до конца второй пятилетки, если бы музей не бросил этого дела и не обратился бы к технику Лоцдистанции (лоцманской дистанции. — С. Г.) в частном порядке. Последним она и была составлена, но на это потребовалось ему времени около двух месяцев. Наконец смета была составлена, кредиты отпущены после долгих трений между облОНО и облФО.

Встал вопрос вплотную о проведении ремонта. Как проводить ремонт, когда не имеешь за душой ни одного вершка древесины и ни одного гвоздя, завезённого тобою «с материка», как выражаются на Камчатке? Опять обратились в Горкомхоз, опять писались красивые резолюции, но дело от этого не продвигалось ни на сантиметр к началу ремонта, не говоря об его окончании. Горкомхоз направлял в Горстрой, ведущий строительство в Петропавловске. Последний категорически отказался, так как музей не имел стройматериалов. Положение было безвыходное. Ремонт отказывались провести все, к кому только музей не обращался. Отказались и отпустить стройматериалы.

Обращались к АКО, к начальнику отряда войск ОГПУ тов. Сикорскому и к начальнику облотдела ОГПУ тов. Лепину, а в дальнейшем к тов. Лев, в Горстрой, порт, Авиапорт, но все только и делали, что посылали один к другому. А стройматериалов, каких-то два-три кубометра тёса и досок, никто из них не отпустил ни одного сантиметра. Кое-как удалось достать несчастных

две тысячи штук обломков битого кирпича за 900 руб. и 600 штук кирпича целого по 1 200 руб. за тысячу, несколько ящиков гвоздей, 40 кг олифы и три ящика битого стекла.

Решили провести ремонт хозяйственным путём, вернее, не ремонт, а частичное отопление здания путём постановки печей. Заключили договор с печниками, которые взялись поставить печи в неуточное время после работы в учреждениях, где они работали на постоянной работе. И в тот день, в который вечером печники должны были приступить к работе, утром в музей явились председатель горсовета, а вслед за ними шёл и председатель облисполкома тов. Бузин. Предложили заведующему музеем дать им помещение на двадцать дней под общежитие рабочих Горстроя, что они по освобождению помещения отремонтируют его. Если завмузеем на это не согласится, что и так займут, но тогда никакого ремонта не произведут.

Решить этот вопрос завмузеем единолично отказался и предложил отправиться на разрешение председателя облисполкома и завоблОНО. Председателя облисполкома в облисполкоме не застали, но по пути встретили завоблОНО, которому председатель горсовета предложил те же условия, что и заведующий музеем. После некоторых колебаний, учитывая положение необходимости ремонта помещения и невозможности его выполнения в условиях без посторонней помощи, завмузеем и завоблОНО согласились на условия, предложенные горсоветом и Горстроём. Заключили соглашение, освободили часть помещения, председатель облисполкома по телефону заверил завмузеем, что больше чем двадцать дней он не позволит занимать помещения Горстрою и добьётся по освобождению его ремонта.

Пришло 20 октября, день освобождения помещения, но Горстрой его не освободил. Сложенным экспонатам в отгороженной комнате грозила гибель от сырости, благодаря конденсации водяных паров на потолках и стенах, холода и т. д. С большим трудом удалось добиться и заставить Горстрой поставить печь в помещении, где лежали экспонаты. Печь Горстрой ставил чуть ли не пятнадцать дней. Правда, погибло несколько купюр старых, времён правительства Керенского, бумажных денег и некоторые другие экспонаты, не представляющие собою больших ценностей.

Прошли октябрь, ноябрь, декабрь, подвигался к концу январь, а Горстрой всё ещё не освобождал здания. В конце декабря и в первых числах января областной прокурор тов. Кузьменко дал предписание начальнику Горстрою освободить помещение, но последним не было выполнено. В конце января месяца начальник Горстрою на требование завмузеем освободить помещение ответил, что «помещение он не освободит, так как есть распоряжение старшего начальства — здание оставить в пользовании Горстрою». Письменного же ответа дать отказался.

После такого ошеломляющего ответа музей поднял на ноги прокурора, заведующего культпропом обкома ВКП(б), облОНО, и пришлось говорить с заместителем председателя облисполкома тов. Вдовиным. Оказалось, что, действительно, тов. Вдовин дал своё согласие (зачёркнуто, вписано «распоряжение». — С. Г.) на то, чтобы Горстрой здание не освобождал. Все доводы,

приводимые музеем, облОНО, заведующим культпропом обкома ВКП(б) и прокурором заместителю председателя облисполкома тов. Вдовину, о необходимости освободить помещение для музея, не помогли. Вдовин стоял на том, чтобы помещение музея не освобождать. Потребовалось вмешательство секретаря обкома ВКП(б) тов. Пошехонова. Последний добился удовлетворения законных требований музея, и здание было Горстроем освобождено в течение двух-трёх дней после распоряжения секретаря обкома ВКП(б).

Здание освободили, но к ремонту, согласно заключённым двум договорам, Горстрой не намеревался приступить. Опять потребовалось вмешательство прокурора и обкома, и только тогда было приступлено к ремонту, и здание ремонтируется. В первых числах апреля ремонт будет закончен, а с ним, хотелось бы, чтобы закончились и чердачная, полная разрухи и невзгод, история самого отдалённого музея Советского Союза. На сцену должна встать новая история, история борьбы музея за построение бесклассового социалистического общества.

В заключение необходимо дать маленькую характеристику экспонатам и коллекциям, хранящимся в музее. Из экспонатов и коллекций музея громадную ценность заключает в себе гербарий «Флора Камчатки». Гербарий собран членами краеведческого общества и обработан академиком Комаровым и очень полно представляет растительность Камчатки. Не менее ценны и коллекции по геологическому строению Камчатки, полезным ископаемым, и в частности, строительным материалам. Коллекции по фауне Камчатки все погибли за четыре года музейной разрухи. Сохранились уникамы, представителем которых можно считать один из видов чаек. В музее хранятся три шкурки розовой чайки, ценность которых громадна в научном отношении, а также и в валютном. Большую научную ценность имеют археологические и палеонтологические коллекции, собранные в пределах Камчатской области. Заслуживает большого внимания коллекция по искусству народов Севера.

В общем дать оценку коллекциям, хранящимся в музее, как того, может быть, хотели бы некоторые представители наших организаций и учреждений, в валютном отношении не представляется возможным, потому что мы в музее рассматриваем хранящиеся в нём вещи не с точки зрения ценности их и в валюте, а с точки зрения, как та или другая коллекция и вещь будет служить ему в деле пропаганды идей марксизма — ленинизма в его экспозиции...